

В Москве есть все, кроме правды.

Власть, ветвистая, как баобаб, пронизывает и охватывает пространство, и в зубчатой тени красного забора причудливые силуэты вступают в дикие комбинации. Правда разбита камуфляжным узором и растворена в хитросплетениях вымысла, подслащая ядовитый столичный настой, которым смазаны богатства и карьеры.

Великий вождь оказывается сатрапом, заботливый хозяин придурком, стабильный лидер ттем, а царь и отец нации пьяницей или проходимцем. Здесь надо умереть, чтобы о тебе сказали правду. И то не факт.

Героев легенд просят не беспокоиться. Образ героя гуляет сам по себе. Слава не стесняется приличиями. В любой момент и по первому требованию сочинитель, гнусный пасквильянт, принимает обратно слова, предложения и абзацы. Взамен сокрушенно приносится равновесное количество извинений. Автор не отвечает за фольклор и не властен над мифом.

Каюсь, лаюсь, отрекаюсь. А она вертится. История корчит гримасы в кривом зеркале заднего вида. Если ты попал в историю — улыбайся: терпеть придется долго.

Истории неведома благодарность, но свойственно отмщение. Не присуща честность, но мил миф. В ней нет справедливости, но скрыт смысл.

По русской традиции читать между строк и разгадывать ребусы власти мы видим то, что нам не показывали, слышим то, чего не говорили, и знаем то, чего не происходило. Так частый бредень тащит из омута тину и мусор — ах, серебряные рыбки проблескивают и бьются в частых ячейках, они тоже попались!

*Но что делать с шилом в мешке и с паром в свистке, и с тающими клочьями истории в столичном небе?
Москва — звонят колокола!*

N

В СТОРОНУ С.С.С.Р.

СЕВЕРО-ВОСТОК

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

Был в советское время анекдот: Брежнев решил инкогнито, а'ля Гарун аль-Рашид, прогуляться по Москве. Ознакомиться наощупь с жизнью вверенного народа. Бродит переодетый: не узнают. Даже обидно. Тут двое встречных переглядываются, быстро спорят о чем-то, один догоняет его и вежливо спрашивает: «Простите, пожалуйста, у вас такое знакомое лицо, вы не можете напомнить вашу фамилию — я ее прекрасно знаю, просто забыл?» Брежнев с удовольствием, стараясь говорить как можно разборчивее, чтоб не вышло «сосиськи сраные» вместо «социалистическое соревнование», называет фамилию. Человек разочарованно кивает и возвращается к напарнику: «Ну, я ж говорил, дерьмо какое-то... а ты — Банионис, Банионис!»

В семидесятом году литовский актер Банионис переживал свой звездный час. После роли Гордона Лонгдейла в фильме «Мертвый сезон» он стал кумиром публики: обаятельный и непотопляемый советский разведчик, стальной кулак в замшевой перчатке и твидовом пальто, успешный английский бизнесмен и советский патриот. Грузнеющий, седеющий и шутиливо добродушный поверх опасной умной жесткости — он

выгодно контрастировал с бессмертным диверсантом Павлом Кадочниковым, inferнальным красавцем с ноздрями кокаиниста и голосом истерика. Кстати, по-русски Банионис говорил с акцентом, так в кино его дублировали.

Потом наступила перестройка, стали слегка приоткрывать некоторые не слишком секретные папки в архивах, и страна узнала, что настоящее имя сэра Гордона Лонгсдейла было Конон Молодой. Молодой на том деле сгорел, был, стало быть, отчасти рассекречен, и упоминать о нем уже было можно. В печати появилось несколько очерков. Из одного очерка можно было узнать, что Анатолию Аграновскому не дали опубликовать почти ничего об этом замечательном человеке: хотя легендарный старик-Аграновский реально находился в статусе члена ЦК и был широко известным анонимным автором супербестселлера Брежнева «Малая Земля». Из другого — что другой журналист, многолетний собкор «Известий» в Италии Леонид Колосов сам был разведчиком и учился когда-то в разведшколе вместе с Молодым, а журналистика была его крышей. К сожалению, по прошествии двадцати лет эти публикации забываются; а судьба Конона *(на этом месте дефект микропленки не позволяет восстановить текст)*.

...в тридцатые годы его родители, советские инженеры-коммунисты, несколько лет работали в Германии. Он ходил в обычную немецкую школу и, естественно, к ее окончанию болтал по-немецки как родной. Они вернулись перед Великой Отечественной войной, и в сорок первом вчерашнего школьника с абсолютным немецким и просвеченной анкетой Молодого нормальным путем направили на разведкурсы НКВД. Куда еще с такими данными.

Сколько-то-летнего обучения в тот период, по понятным причинам, не практиковали: разведывательно-

диверсионные группы НКВД, официально обозначаемые как партизанские отряды, кидались в немецкий тыл после пары месяцев поспешной и плотной подготовки: стрельба, подрывное дело, работа на ключе и основы конспирологии — пошел! И то он еще поболтался в резерве. И летом сорок второго их выбросили в районе Ровно, где разворачивалось соединение полковника Медведева. Знаменитый был партизанский край.

Десантировались, естественно, ночью. А всей парашютной подготовки было, по причине крайней спешки и нужды, четыре прыжка. Из них ночных — один, с предельно малых высот — один, на лесную местность — ни одного. Нормально. Война.

Они ухнули в свистящую тьму и тут же потеряли друг друга. А как снизу пахло теплом близкой земли (метров полста, примета верная, сдвигай ноги) — поздно он дернулся и надел купол на сосну. Ободрался сквозь ветви, стропореза нет... финка при рывке раскрывающегося парашюта вылетела из голенища. Ну, парень он был спортивный, компактного сложения гимнаста, но выпутываться из подвески, подтягиваться по стропам и слезать с дерева пришлось долго. Еще больше времени ушло, чтобы стянуть с ветвей парашют.

Парашют прикопал. Тем временем рассвело. Стал искать своих, заложил круг, куковал и посвистывал. Не нашел. Тоже нормально. Это предусматривалось.

Определился по карте туда-сюда, вещмешок и оружие схоронил в зарослях и затеску сделал. Туда же и сапоги (на всякий случай). И в невинном крестьянском прикиде двинулся в том направлении, где по его понятию предполагалась точка встречи парашютистов партизанами.

Солнышко над деревьями взошло, птички поют, там и лесная тропка обнаружилась, вьется и подошвы колет. Тропка вывела на проселок, проселок выскочил из леса

и рассек луга... жрать захотелось. После приземления он, естественно, не ел — какой тут аппетит; все в мешке и осталось.

И тут слышится за взгорком навстречу тарахтенье мотоцикла. В лесу бы спрятался — а здесь куда? Бежать, лечь?.. если заметят — догонят — хуже будет. Сжался и идет. Легенда в голове запустилась, как треснутая пластинка.

Выкатывает из-за поворота «цундап» с коляской, на нем двое немцев с бляхами на груди: фельдандармерия. Тормозят, подзывают:

— Иван, ком цу мир!

Один руку с газа не убирает, другой винтовку из-за плеча наизготовку перетаскивает — страшует: год война продолжается, научились.

Он подходит покорно на бедных ножках, и за пять шагов брызгает сиротской слезой, как лейка, что при таком мандраже в перспективе винтовочного прицела нисколючко не трудно, тьфу на вашего ненужного Станиславского. И прерываясь всхлипами и шморгами, растапливает каменные сердца балладой про тато, сгнувшегося на фронте, мать, угнанную в эвакуацию с колхозным стадом, и старую обезножевшую тетку, к которой он идет вскопать огород и покушать лепешку из лебеды. Немцы фильтруют чуждые звуки — смотрят без понимания:

— Аусвайс?

— Йа-йа, аусвайс! — и лезет во внутренний карман обтерханной телогреечки готовно.

А внешний вид безупречный: славянский подросток, стоящий на лестнице эволюции на следующей ступени после турнепса. Рубашонка ситцевая, штаники залатанные, из обкорнанных волосок лесной мусор торчит. Роба добрая, плосковатая и тупая. И аусвайс. Да... Где аусвайс?.. Во внутреннем кармане нет, и в боковых

нет... черт, сука, господи!!! и в потайном с изнанки штанов нет... и за пазухой... Потерял????!!!

Обшаривает себя, охлопывает и трясется крупно. Нет... нету. Потерял, значит, во время этих своих тарзанных прыжков по деревьям.

Он все белеет, и свежие царапины на его лице и руках все отчетливей. И немцы к ним присматриваются, и в воздухе возникает напряжение. Интересуются происхождением царапин, и жестикуляция у них, как на стрельбище. Он сбивается про падение с сарая, они скалятся без понятия и глумятся насчет борьбы русских с медведем.

— Партизан? — догадываются немцы в подтверждение его ужаса.

То есть — влип. По запрещенной статистике, тайком передаваемой изустно, половину групп берут в первые двенадцать часов после приземления. И вероятно, немцы их засекли и сейчас по одному вылавливают.

— Найн! — рыдает он. — Нихт партизан! Камараден!

Обыскивают его брезгливо, дают прикладом по почкам, кидают в коляску и везут. И он болтается на ухабах и пытается вспомнить, о чем говорили на занятиях «Тактика поведения на допросах в полиции и гестапо». А сам как снегом внутри набит — холодное оцепенение и ни одной мысли.

И привозят в село. Въезжают во двор. Во дворе курят жандармы, приветствуют. Типа райотдела милиции. И обмениваются замечаниями, на хрена они этого щенка привезли, будто нельзя было решить вопрос на месте. Немецкий он знает, и от этого знания ему вообще плохо становится.

Пинком и тычком его заправляют в дверь и докладывают, что вот, в заданном квадрате задержали подозрительного без документов. Объяснить толком не может. И выходят.

Никогда не бывает так плохо, чтоб не могло стать

еще хуже. Потому что за столом сидит офицер. Это не офицер. Это агитплакат «Рыцари СС», или «Палачи СС», с какой стороны взглянуть. Выкован гитлерюгендом и отшлифован командной кастой. Форма с иголки, фуражка с высокой тульей выгнута, белесые волоски подстрижены аккуратно, и замшевая перчатка на левой руке. А правой рукой что-то пишет.

Дописывает до точки, откладывает ручку и смотрит на него — холодными, голубыми, льдистыми арийскими глазами смотрит. И выражение в тех глазах пустое и безжалостное. Будто на муху случайную внимание обратил. И как насквозь светит и пронзает этим своим всевидящим взглядом. И сразу становится понятно, что никакие наивные легенды здесь не проканоют. Как на стекле его этот офицер видит. Такой за сто шагов нюхом чует добычу.. Настоящий контрразведчик и палач.

Что называется — прощай родина. Стоит он, кролик перед удавом, и губами беззвучно шевелит — нет звука, не включается.

Удовлетворившись просмотром и утвердившись во мнении, офицер подзывает его вялым жестом и двумя пальцами поворачивает за подбородок. Больно щиплет в прореху штанов:

— Парашютист? Дерево? Цап-цап?

— Господин офицер! я упал! сарай! кусты! там! там! клянусь!

— Партизан?

И тогда из него наперегонки рушатся застрявшие слова вперемешку с соплями, слезами и судорожным иканьем: про сгинувшего отца, угнанную мать, сироту-тетю и аусвайс, который еще утром был вот в этом кармане, но он косил серпом крапиву..

Не слушая, офицер протяжно зевает и прерывает его пренебрежительным жестом, резюмируя результаты допроса:

— Партизан.

Встает и отстегивает клапан помещенной слева от ременной пряжки кобуры.

Последний воздух, дух небесный покидает легкие с беззвучным писком:

— Нихт шиссен, херр офицер... — и, конечно, плывущая в обморок жертва не отдает себе отчета, что при минимальном слухе интонации писка звучат так, как говорят только в Гамбурге и Киле.

Офицер дергает чуть заметно углом узкогубого рта, а дальше следует провал чувств... какая-то механическая сила поднимает за шиворот, душа воротником... Стук и колокол в голове — это его лбом с треском вышибли дверь.

Его устанавливают на крыльце, как шаткое поле-но... придерживают... А затем возникает странное состояние невесомости, крепко подпертое сзади — словно полет на пушечном ядре! Это... все?! это и есть смерть?.. Еще нет. Это его здорове-еннейшим пенделем в зад запустили в воздух — и он летит по дуге в положении на четвереньках. И в этом положении пропахивает носом землю в зарослях крапивы.

Мир возвращается в звуках и оглушительно пульсирует. Это жандармы во дворе хохочут и аплодируют.

А офицер, цепко фиксируя его расплывчатый взор, подчеркнуто медленно раскрывает кобуру и тянет обшарпанный рабочий парабеллум. И, показывая ему стволом повернуться спиной, назидательно поясняет:

— Пу-пу!

Он послушно поворачивается. Ему уже все равно. Полная блокада эмоций. Равнодушие за чертой. Ничто не имеет значения.

За спиной щелкает затвор.

— Пу-пу!

Он покачивается, спотыкается на месте и падает.

— А-га-га-ха-ха! — немцы просто лопаются и подымают от хохота. Работа их такова, что сцена представляется вполне и чудно комичной.

Ствол у офицера в кобуре. Отставив большой палец и вытянув указательный на манер пистолета, он грозит вставшему на четвереньки пленному. Так пугают детей.

— Ванюшка! — металлическим голосом лает офицер. — Бежать! Шнель!

Чьи-то руки вздергивают его и толкают в распахнутые ворота. И он медленно бежит по инерции, качаясь и не понимая своих движений.

А сзади:

— Партизан капут!

У него материализуется большая нежная спина, а в ней позвоночник, сердце, легкие и почки.

— Партизан — пу-пу!

И тут грохает выстрел.

Наш на секунду замирает, собирая отчет в своих ощущениях. Потом с невероятной силой подпрыгивает и бросается бежать с бешеной заячьей скоростью, пригнувшись и уклоняясь резкими зигзагами, как вдалбливали на занятиях.

Далекий немецкий смех гонит его, как парус.

Солдаты сгибаются пополам и машут руками. Стрелявший в небо офицер застегивает кобуру. Много ли на войне развлечений. Казарменный юмор приводит в ужас гуманистов. Бытие и небытие определяют сознание.

«Пу-пу!!!» — грохочет в ушах.

А оглянуться страшно. Стрекочет и взбивает пыль и стерню.

Ну что. Замученные войной солдаты устроили себе маленькое мимолетное развлечение, невинное, в общем. Фашисты.

И он во весь дух, не помня себя и строча ногами чаще швейной машинки, добежал до леса и, на крыльях

неизбытого ужаса, как написали бы в романе прежних лет, или в сжигании экстремального выброса адреналина, как предпочли бы написать сейчас, неся еще километра три через лес, задыхаясь и ломаясь сквозь заросли, пока не свалился у какого-то ручейка...

...Потом он дышал. Хрипел, свистел, захлебывался и пускал пузыри. Когда перестал трястись, хлынули потоком неконтролируемые бесшумные слезы. Слезы ласкали лицо, и он уплыл в сладкий и мертвый сон. Физиология, стресс.

Проснувшись, долго пил, окуная горячее лицо в прозрачную коричневую воду протоки, стирал мокрые штаны, обмыл изодранные стерней и сбитые дорогой ступни и перемотал оторванными рукавами.

Четыре дня он блуждал, питаюсь ягодами. Пока не вышел, наконец, в район медведевского соединения. Где ему хватило ума эту историю на всякий случай не рассказывать: контакт с врагом, знаете, это всегда требует проверки. А так — ну, заблудился, бывает, дело обычное.

«Вот после этого, — рассказывал он позднее, — я действительно возненавидел фашизм. И мечта об его уничтожении, физической ликвидации врага, стала моей личной мечтой. Я стал фаталистом. Потому что понял — есть у каждого разведчика свой покровитель на небесах. И никогда не надо впадать в панику — еще неизвестно, как в последний момент все обернется. Короче, в боксе главное — хладнокровие!»

Ну, а дальше была обычная военная биография — если кто уцелел: диверсии, переходы, ранение, эвакуация на Большую Землю, еще две заброски, орден Красной Звезды, Отечественной войны 2 степени, медали, еще ранение...

...После войны немецкое направление, понятно, сократилось. Пошло перемещение кадров, кого куда. Он

был еще молод, данные хорошие, способен к языкам; отточил свой английский, который учил как иностранный еще в немецкой школе; зарубежные стажировки, работа в Австралии и Штатах, где избавился от простибельного по легенде немецкого акцента в английском и заменил его на австралийский, который все забивал; звания, рост по службе; не столько героическая, сколько нервная и слоеная жизнь шпиона со своими нерегулярными радостями и неоднозначными надеждами.

И вот уже разгар холодной войны, и умер Дядя Джо, разменяли Берию, Судоплатов сидит, большие перетасовки в спецслужбах, где было тонко, там и рвется, где толсто — сыплется. Короче, отзывают его из отпуска раньше срока. Мотивировка оригинальности столь же свежей, как объяснение Каина Авелю: дело срочное, брат, а под рукой никого же больше свободного не оказалось!

У нашего лондонского резидента сгорела связь. И дежурная, и запасная. Связь необходимо срочно восстановить. А обстановка на планете перманентно предгрозовая: Суэцкий конфликт, НАТО, Бомба, стратегический бомбардировщик «Вулкан», Хрущева в Портсмуте чуть не взорвали с крейсером «Орджоникидзе», сами понимаете. Для нас, профессионалов, мира нет.

Ну что. Болгария, смена документов, самолет, Аргентина, смена документов, самолет, Австралия, смена документов, самолет; и уже из Канады он прилетает в Хитроу. Язык, легенда, документы, деньги, время на адаптацию.

В результате всех суперосторожностей он не знает о резиденте ничего. Вообще никаких примет: ни возраст, ни внешность, ни даже пол, не говоря о профессии или месте обитания. И никакого пароля. Известна лишь точка randevу: Риджент-парк, внешняя восточная аллея, четвертая скамейка от Йоркских ворот. И время: